

Ясная ночь...

Часть II

Галуза К.И.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Константин Иванович Галуза

Ясная ночь... II часть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57407374

SelfPub; 2020

Аннотация

Ясная ночь ... (Электрошок). Молодой мелкий коммерсант из провинции приезжает по своим обыкновенным делам в Санкт-Петербург. В результате обстоятельств приезжего ищет местная бандитская группировка, а спутница авторитетного бизнесмена скрывается вместе с коммерсантом. Она предлагает ему сделку, от которой он не может отказаться. Попадая «из огня в полымя», коммерсант пытается разрешать ситуацию, руководствуясь своими, неидеальными понятиями о чести и справедливости. Содержит нецензурную брань.

Нет. Проглотил слюну, – нет время курить сейчас. Развернулся назад, в «стакан» двора. Ничего не меняется, – как на паузу нажали! Несильно пнул панка по лодыжке:

– Чеши отсюда.

– Что делать? Что?

– Уходи, говорю, спасибо. Беги от сюда, бордюр брось уже...

Полез к окну. Выбирая полосы, подтянулся, схватился лучше.

– Ты куда? – Лена сделала полшага назад. Потом усмехнулась: – Забыл, что ни будь?

В кабинете двигали дверь, стол ехал, орали по-нерусски. Не фиг лезть.

Толкнул полосу как можно вверх, сжимая, схватил Лену, за плотное вязанное платье ниже груди. Перехватив рукой, за волосы, втянул её на себя:

– Поплыли, бежать, хризантема.

– Ты что? – она дышала, дрожала.

– Идёшь?

Беспомощно она оглянулась. Она сделала движение ко мне. Потянул её.

– Колено, Лена. Упадём. Держись.

Осторожно, может быть, машинально, – боясь порвать колготки, она поставила одну ногу на откос, рука у меня онемела от тяжести, я почувствовал её вес, холодную ладошку

за шей, – падаем. Туфель, зацепившись за кромку остался на подоконнике, мы, попятившись упали рядом с панком.

Очередной косой прорез на ладони зацепил, зажёг – кровь. Это вернуло меня к действительности. Бежать.

Перекинув её, встал. Окно, люди. Валить!

– Побежали.

Я не выпускал её, оглядываясь, она, «колченогая», слушалась.

За аркой, на тротуаре, удивив прохожих, сразу тормознул машину. Лена на одной ноге не нужно мешкала, управляла платьем, волосы, толкая её в зад, запрыгнул сам:

– Поехали!

– Куда?

Водиле начало уже не понравилось.

– Прямо, скомандовал я неожиданно спокойно.

Тут панк(!), сука, влез на переднее сиденье!

– Куда, э -... – справедливо засомневался таксист.

Время нет. Я гвоздил глазами арку, по сторонам...

– Поехали, поехали, – на, – я успокоил его бабками.

И мы поехали, не торопясь... Оглянулся, едем, едем! Как закурил, никого не спрашивая! Зашибись! Всё, братан, всё.

– Так куда вас? – водила в тёртой кепке выглядел уже несколько недовольным.

Такие компашки пассажиров кого хочешь насторожат. Но и не каждый раз ему столько дают. А сколько я ему дал? А чёрт с ними. Какие тут деньги, радоваться надо

– Прямо пока. Тебе, где, парень?

– Я с вами, – сообщил панк.

– Ага. – не нашёлся я на такое заявление.

– Ты как? – спросил я Лену.

– Не с вами. Остановите!

Не понял таксист наших явных разногласий.

– Поехали, – перепугал я его ещё больше своей ладошкой, – баба парится, заплачено... До метро нам...

Притянул Лену к себе:

– Чего ты орёшь, Золушка... А ты выйдешь щас, – велел я парню, притянув и его за косуху.

– Я с вами.

– Куда, и на хрена, интересно?!

Хлопает белёсыми ресницами и хохолок качается! Нужен очень.

– Дальше! – говорит он.

– Дальше уже некуда... Тебя как зовут?

Тут он мне выдал:

– Горный.

– Чи-иво?! (Горный...) – это меня развеселило.

Лена, без туфли, сидела как потерянная и, по-моему, не верила в происходящее. Ссутулившись, сжавшись, тёрла ладони, трогала платье, босую ступню. Холодно, грязно в салоне. На полу талый снег, вода, окурок. Мокрый смятый следок на одном пальце. Она сняла его и держала как платочек в поликлинике.

Ещё какой-то неадекватный Горный, в косухе, на переднем сиденье, пригнулся и озирается...

– И давно ты – «Горный»? – решил тихо уточнить я, подвигая его к себе так, чтобы не слышал таксист.

Тот пожал плечами простодушно. Пояснил серьезно:

– Кличка. У нас в стае...

– Про стаю, видно, а нормальное имя есть?

– Алексей, – помедлив, признался он.

– Вот, Леша, это понятно. Ну, домой пора, или – в стаю. Нам тоже разбежаться надо. Ты, Алексей на выход, давай. Ага?

– А вы кто?

– ...Кай и Герда.

– Кидалы? – понизил голос Горный Алексей.

– Кидаем реально, – подтвердил я, – Иди, мы тебя найдем, – пообещал я.

– А долю? – спросил Алёша.

Я оторопел.

... – Дулю, млять! Вот за что тебе долю? И чиво долю?

– Ты обещал.

Мне припомнилось что, да: обещал в общем-то, за стояк водопроводный, или камень... Так с ним нельзя.

– Потом, скинули мы все... Ты ж бордюр даже не поднял! Лёша Горный... Всё теперь... В спорт зал надо ходить, а не в стаю... Тебе лет сколько?

– Горный, – поправил он ударение. – Семнадцать...

– Отваливайся. Понял? – отрезал я эту тему.

– Я вас не подставлю. – пообещал Горный-Лёша с каким-то своим ударением и выражением. Я с Финляндского, – шептал он в том же духе, в «кратере» ...

– Базар – жок. Будем там – мы тебя дёрнём.

Панк напыжился. И ждал, видимо, что-то ещё. Мне это уже надоело, таксист нервничает... Надо тоже, что-то добавить.

– Я с Хе Ге эФа – отрекомендовался я, (это работает обычно везде, если спрашивают «это где», отвечаю в принципе честно, но с выражением, по обстановке: «в Караганде», этого хватает).

Лёша тоже понимающе кивнул. Воротник поднял. Тут начал притормаживать водила не понятно где.

– Все выходите.

– А?

– Все вышли. – чётко скомандовал таксист, и голос его не улыбался. С наклоном, рывком из-под сиденья достал короткую монтировку. Перекинулся рукой за сиденье, я у него цель первая.

– Вышел на **й!

Закопошился Гордон, это ладно, а мы куда?

– Да ты чё, машешь, она ж раздетая, – вспомнил я, – и погоди, я же тебе денег дал?

– Пошёл... – хотел он, ещё раз угрожающе замахнуться в мою сторону...

Как Леша достал кастет я не видел. Он просто тюкнул им таксиста ниже кепки и тот как был, повернувшись ко мне, так и "притулился" к ручнику между передних сидений...

Твою мать!

– Ты чё дурак?! Ёша! – я его ненавидел. Этого я никак не ожидал. Надо его вырубить.

А Гордон выпихнул водилу, влез за руль, и по газам, скотина! Меня откинуло назад. Ёлки-палки! Куда он шпарит?!

– Я вас вывезу! – возбуждённо обещал Лёха.

– Останови, машину, придурок!

Мы вылетели на какую-то улицу.

– Остановите, – просила Лена.

Я хотел схватить его за волосы, да мы «сотрём» всё остановку... Что? Я не знал... Господи...

– Что с ним делать? – шёпотом спросил я у Лены, мы набирали обороты, шли по крайней полосе.

– Он нас убьёт...

– Нефиг делать.

– Лёха, тихо гони в переулок, – выдумал я, – менты на хвосте, колёса менять надо.

Нандон! Ни хрена себе мы грузовик «подвинули» на 412-ом! Летим!

Места всё мне не знакомые, темнеет. Сколько, три минуты, пять? Поворачиваем, ещё раз, переулок, едем дальше, улица. Всё, встал.

Лена нехорошо себя чувствовала. Подавив в себе чувство

сразу вмазать пару раз Алёше, я озирался. Видит нас кто в этой машине? Это срок. Люди идут, прошли... Тихо, ещё... Бодрым выглядел только Гордон:

– Я своё дело сделал. Затарить вас?

– Спасибо, тарься сам, скорее отсюда. Вы-выходись, – попросил я прячась от фар, – рядом припарковалась машина, переводя дыхание, – я здесь всё знаю, молодец. Пока иди в стаю... Сразу иди. – добавил я твёрдо.

– Не прощаемся, – процедил Горный, повжикал молниями, высунул нос наружу; осмотрелся как разведчик, и не хлопнув дверью, вышел. Пошёл от машины, засунув руки в карманы куртки. Мне даже не верилось. Рембо в запасе.

Темно. Исчез. Тимуровец. Это хорошо. Плохо магазины рядом, витрины длинные, светлые...

– Где мы, не знаешь? – спросил я у Лены

Лена смотрела на людей.

– Я пошёл. – я закурил, – Ты не сиди долго – посадят: таксист уже сообщил, или его нашли с техпаспортом на дороге. Пока. Извини, не я всё это начал... – щёлкнул ручкой двери.

– А я? – спросила Лена.

В открытую мною дверь потянуло холодом, осенней, весенней зябью. Под ногой хрустнула замёрзшая грязь. Я посмотрел на огонёк сигареты, подул на него дымом. Пар уже из рта. И вот как она; босиком в одном платье?

– Ты? ...Ты домой не ходи, – посоветовал я, – ни к близким друзьям, ни к близким знакомым. Ни к кому. К родите-

лям, братьям, сёстрам – тоже не нужно. Что ещё... Да, – говори, как есть: пнул его я, меня ты не знаешь. (Это все подтвердят – от твоих кентов, до ателье). Испугалась, убежала... Всё. Ну, скажи: наехал за «этого», режим приставил. Вытащил силой, увёз, бросил на окраине...

– Куда, я, такая? – спросила Лена, пытаясь понять сама, – Как?

– Ну чё, тебе не к кому? В гостиницу, на такси.

– У меня денег нет, – она впервые посмотрела на меня нормально, – раздета...

– Денег, – я полез за своими, – я тебе дам, немного. Самому на такси надо. Вот смотри: тут всего – и то... на. Нам сидеть здесь нельзя. Никак. В этой машине. Забыть надо. Пошли.

Она машинально взяла деньги, держала их вместе со следком, как в прострации.

– Ну что мне туфли тебе покупать? – я не злился, нутром чувствовал – уходить надо, – мне не жалко, у меня не хватит... Хорош болтать. – пошли, Лена, отойдём в темень, решим. Я тебя первой посажу в машину.

Открыл дверь машины. Она за мной. Бедная.

На тёмной улочке продолжил:

– На шарф, он мохеровый, тёплый, щас куртку дам. – вон, – встань сюда, я поставил её на какую-то бумагу у стены, на тротуаре, – ботинки – не дам, – потерпи. Мне в носках и в рубашке никто не остановит. Лен, у тебя ссадину на лбу,

убери узел, как ни будь – я помахал перед лбом. – Курить хочешь? На.

Она слушалась, надевала шарф, прикуривала. Опасность. Я обернулся. Медленно подъезжал серый, новый, милицкий уазик. Высветив нас фарами, он проехал ещё... Ну... – мимо!

Остановился...

Из передней двери вышел сержант и направился к нам. Я зачаровано следил как следил за ним вышел второй, что-то поправил в ботинке...

– Патрульно-постовая служба – сержант Морозов. Предъявите документы.

Разворачивался я медленно, – стараясь закрыть её ноги.

– Пожалуйста. здравствуйте. – (конечно, надо спокойно), что придумать?! – Хорошо, что вы нам попались – у нас плащ украли...

Уазик светил поодаль, темно, но я всё равно опасался: заметит порезы на ладонях, губу слева – всё. Губа вроде уже ничего, а ладошки я не раскрывал, держал их, насколько можно естественно, тыльной стороной... Отглаженный, чистый. А про неё, что?!

– Приезжий? – он полистал паспорт.

– Да.

– С какой целью прибыли в город Ленинград, Санкт-Петербург?

Сержант отдал мой паспорт второму, тот ушёл в уазик-

Преподаватель, на курсы, за учебной литературой, – привычно соврал.

– На курсы повышения квалификации.

– Вы девушка. – обратился он к Лене.

– Держите... – она сделала движение рукой...

Я почувствовал озноб.

– У вас листок упал, – абсолютно спокойно пояснила Лена.

Сержант посмотрел, наступил, наклонился, поднял видимо мою улетевшую бумажку из паспорта.

– Я местная, прописана, назвала адрес, документов с собой нет...

Курит спокойно, плечами пожала... Молчим.

– Такси ловим в милицию, – привиделся мне выход, – у нас плащ в кафе украли, – отвези в отделение заявление написать.

– Ща посмотрим, – пообещал сержант, и спросил:

– Выпивали?

– Нет, конечно, мы ...

– Делать не куй, – возмутился услышавший, подошедший второй, – сам доедешь. «Чистый» -отдал мой паспорт сержанту.

– Куда?

– Пискаревский 24. Кому твоё заявление нужно? С кафе сами в кафе разбирайтесь...

– У нас один номерок был...

– Тем более. – отрезал он мне. – Трезвые на хер не нужны. – пояснил сослуживцу.

– А-а, – кивнул им я, забирая документы, вернулся к Лене, снял с себя и одел на неё куртку.

– Спасибо, – он просовывала руки в рукава, – одной ноги нет уже, наверное.

– Стой, пока они не отъехали. Увидят – босая на одну ногу, что тогда лепить? Не поверят, задержат. Прохладно. – решила куда? Что б там – за машину рассчитаться.

– Останавливай машину, деньги там возьму, останусь...

Я остановил такси. Посадил Лену на заднее сиденье, огляделся. Чем чёрт не шутит. Панка нигде не было. Второй раз он хрен в салон пролезет. Сел. Лена назвала адрес.

– Слушай, а ты позвонить не можешь, – спросил я, – а то будем кататься без денег, пока этот рычать не начнёт... – Остановите у первого автомата, – попросил я водителя.

Лена долго звонила, минут десять. Потом постучала мне по стеклу, я вышел.

– Номера не помню, или дозвониться не могу, – из тех, к кому можно обратиться...

– Да любой клиентке позвони, однокласснице бывшей...

– У клиентки же я проситься переночевать не стану, и номера их всех – на работе. И телефоны одноклассников – тоже в голове не держу... Кому могла позвонить – позвонила, – нет, не отвечает никто... К родителям поеду.

– Нельзя, не советую, – и себя подставишь и их. Перекан-

товаться где-то надо тихо. А по подружкам тебя в первую очередь искать и будут.

– А кто мне ещё туфли даст? Плащ, пальто? На вокзале мне ночевать в одном платье без документов, или на улице? Что ты мне предлагаешь делать? По подъездам босиком? Магазины через час...

Я не знал, что ей посоветовать...

– А ты где живёшь? От тебя можно позвонить спокойно? Ты же приезжий, остановился где-то... Поехали к тебе в гостиницу, ночью я всё равно кого то вызвоню и уеду.

Это решение напрашивалось само-собой, но меня оно не устраивало по одной простой причине: я не хотел светиться. В этом я ей и признался.

– Потом ты меня сдашь?

– А что я про тебя знаю?

– Пока ничего. И было бы хорошо, если ты даже не узнаешь моего имени, не то, что фамилии. Ты пойми...

Мне надоела эта абракадабра последних часов. Хотелось, чтобы этот день кончился. «Открестится» от этой «бабы Лены» и всё. Ну ни как. Ирреальность событий настораживала, и я только выкручивался из происходящего... Устал я. Но и не бросить же её на дороге. Хотя, лучше бросить. Безопаснее. Не маленька девочка, разберётся. У себя дома, в своём городе, в такси уже сидит, не больна, не инвалид. Шуруй от неё. Надо сказать, куртку только забрать.

– Лена...

– Поехали, – попросила она и положила руку мне на локоть. – дай сигарету...

– В кармане у тебя.

С вышки лучше так прыгать: если решил, – подойти, остановиться сосредоточиться и... В кабинете же я её тоже прошил, так же: «подожди...» Квиты будем.

– Поехали, -я открыл дверь машины, пропустил её, сел рядом, – Суздальский шестьдесят один, – назвал адрес водителю.

Мы, по-моему, стали ближе друг к другу, сели, уж точно. Эта тёлка сдаст тебя с потрохами. В Питере с год-два не появляться...

– Хоть уже не боюсь, – сказала Лена, – замёрз?

– Тут не дают...

Удивительно ощутилась заработала печка в салоне, – сухой, горячий воздух.

– Спасибо, – поблагодарил я водилу, – (видать услышал), – хорошая у вас печка...

– Интересно, как там всё закончилось?

Лена курила молча, потом, видать тоже «тихо» подумала:

– Не хорошо всё.

...Всё как обычно: вчера, сегодня, – побегал, что взял, договорился, расплатился. Сказал, что забирать буду завтра, или послезавтра перед поездом, – как с проводниками уговорюсь, (не вопрос). Дела сделал. После обеда поел на Невском дорого-красиво и поехал гулять, последние деньги тра-

тить, подарки присматривать... Зашёл в один магазин, другой, третий, – и, – покатило... Везу подарок. А этому, с рыжего 412-го, баксов на сто, рубликов перепало, у него пол москвича столько стоит... Всё правильно: где-то двести-двести пятьдесят баксов у меня хрустов и оставалось, хорошо билеты взял.

Жена дома, он питерских куфёлок в шарфы кутает... Лягается, как конь. Даже не ожидал, что он так ляжет. И вообще ничего не ожидал, от того, что, когда из магазина вышел и на неё посмотрел... Красивая, конечно, девка... А в куртке, с моим шарфом мохеровым, – баба как баба. Ну не плохая, конечно...

Хотел же узнать, какая она? Пожалуйста. Или нефиг по сторонам башней крутить. Женщин Петербургских разглядывать. Я ж после работы. А тут разговор короткий: раз – и постирали. Ещё и чуть передастом каким-то не выставили... Ага, суки питерские. Блотота, ****ь.

Интересно, поставить на место каждого из них, что бы ты сказал, подумал или сделал? Ну, сразу буцкать первого прохожего я б не стал. А от «захожего», сам тоже, извинений не потребовал.

Приехали. Пошутил:

– К тебе мы уже съездили, теперь ко мне... да, не бойся ты.

Попросил водителя: – Вы подождёте, я сейчас за деньгами схожу, девушка посидит в машине.

– Конечно, – отозвался таксист.

Поднимаясь на лифте, размышлял: посидит у меня, созвонится, с кем ей надо, уедет. Чаем её напою. Будем надеяться, что сегодня ночью, ни Саввой, ни Аркаша ещё её не найдут, и благодаря этому, меня «поболтать» не разыщут. А если... То плохо. Лучше быть уверенным. Для этого надо, что бы увидели её как минимум завтра. К тому времени, я если захочу, вернусь на Родину от этого славного города на Неве, и – трын-трава. Тогда – оставлять её не навязчиво до утра. Оно и ей лучше – успокоиться хоть. Но вот, мне это, нафига надо было? Ехала бы на этой тачке, (водитель какой хороший), всё равно б кого ни будь да нашла отогреться, и я, для них всех, – как камень в воду булькнул, и кругов бы не пошло. Так нет, выцепят эту кулёму, и быстро, не мытьём так катанием, визнают, кудой я её возил на чашку чая. Думай думку теперь...

Хорошо, ключи в куртке не оставил. Отворил плоскую, крашенную казённой краской дверь. Поставил стул, – (чудо дизайнера из гнутой жёлтой фанеры и алюминиевых трубок), с него, за обналичкой двери, достал заныканные деньги. Взял ей свои тапочки, с белыми яхтами на носках, чайник – поставить на плиту. Может ей в тапочки дезодорантом побрызгать? (Аэрозолей этих – двадцать пять коробок.) Подумал: ерундой не занимайся. Оставил чайник на кухне, поехал вниз.

Рассчитался с таксистом, поставил Лене тапочки:

– На.

– Замараю, – увидела она белые паруса.

Я хмыкнул:

– Я тебе ещё хотел дезодорантом их побрызгать.

– Зачем? – удивилась она.

– Вот и я так же подумал. А сначала хотел для дезинфекции. В принципе правильная мысль, но что-то... Пойдём.

Выйдя из машины, озадачилась двенадцатиэтажкой:

– Что это?

– Общага.

– Что? – переспросила она.

– Ну что ты остановилась опять, Елена Прекрасная? Может, пойдём? – увещевал я, – хорош уже тормозить.

– Я ничего, темно только, грязь... – она взяла меня под руку, – я же в тапочках. «Парусники» сразу по корму встряли в питерскую лужу. – Спасибо, кстати.

– Да хлюпай уже, – потянул её я, – постираем, побрызгаем... Правда, хоть бы один фонарик повесили... Пошли, вон, по льду лучше, а то ты их утопишь.

Осторожно, по тёмной воде и застывшей грязи мы дошли до ступенек, поднялись.

– Погоди, – насторожился я. – Ну, точно...

Через толстое, оставшееся стекло на входе, у вахты я увидел местную власть.

– Милиция?

– Не, не та, местная – развеял я её опасения, – это Косолапыч с Косоглазовым. Участковый с комендантом. Бухие.

Бабушке мозги компостируют... Откуда они взялись? Только что ж выходил.

У Косолапыча в этом общезнании дел – как у гниды в чемодане. Наверное, азиатов новых тормозит. Ко мне у них вопросов быть не может: вчера два дезодоранта «задарил».

– Страшного ничего нет, – успокоил я её, – я их знаю, они меня, можем идти. На «нольпятку» дашь, – они тебя не то, что без туфель, без юбки пропустят. Но нам лишние глаза зачем? Причём глаза у них вострые, и ум пытливей, чрезвычайно, от рода деятельности. Можно нольпяткой и не отделаться, в нашем случае, на мякине их не проведёшь. Пошли через чёрный ход. Лишь бы его не забили опять.

Обошли двенадцатиэтажную башню. Пожарный выход мрачно закрывала разнокалиберная жесть. Забили.

– Стой здесь, я пойду её с той стороны выбивать. Отсюда её корчевать неудобно. Ничего не бойся, пять минут, это нормально, те не услышат.

Проходя мимо пьяных официальных лиц, поздоровался по-восточному:

– Салам алекум.

– Алекум, – подтвердил Косолапыч, – без базара... При этом он благодарно внюхался в свой шарф.

Зажигалку надо было у неё взять.

– Лен, ты за дверью?

– Да.

– Отойди.

Управился привычно. Битая-перебитая дверь, такие же листы жести особо не возражали. Отогнул метра полтора этой набитой конструкции.

– Лезь, только куртку мне не порви.

Уловил её сомнение. Она видимо тоже о многом размышляла.

– Ты знаешь, – услышал я, – я не полезу. Хватит.

Я понимал её опасения, и то, как это всё в её глазах выглядит. И даже мысленно не особо возражал. Пожалел только, что «засветил» общагу.

– Смотри, – сказал я ей, – выйду давай провожу, и поймаю тачку. Подержи листы, а то рубаху ещё и порву, только отстирали.

– Да не стоит, береги рубаху.

Я вроде примеривался как-то пролезть и остановился. Мы разговаривали через вибрирующие на сквозняке листы жести.

– Давай пока тогда, – предложил я

– Пока.

– Сама выйдешь на Суздальский? На деньги.

– Не надо, я местная. Доеду и рассчитаюсь.

– Окей, счастливо – пожелал я, – куртку отдай, тачку быстро поймаешь. И меня быстро не сдавай, пожалуйста.

– Не сдам. – она усмехнулась.

Лена сняла куртку и протянула её мне. Я раздвинул листы максимально, втянул куртку, на всякий спросил:

– Я тебе точно не нужен Лен? Всё пока, я пошёл, не замёрзнешь?

– Кеды-тапочки тебе куда высылать?

– Оставь на память. – предложил я. – Придёт время, вспомнишь былое...

– Да. – Слышалась она напряглась, – вспомню...

– Ну, пока, – пожелал я ей, – чтоб всё у вас там разрулилось...

Потом какая-то не понятная тишина без ответа, шорох, и вопрос мужским, неуверенным голосом:

– Мадмуазель, разрешите пройти.

Тут я полез что бы посмотреть кто там ещё. Рубашку о разорванную жёсть зацепил, млять.

Два типа с бутылкой сибирской водки ноль семь.

– Ты кто?

– А ты?

– Я здесь живу.

– Я, то же.

– Где?

– В Караганде. Своей дорогой идите.

– А мы и идём, твоя мёрзнет.

– Не замёрзнет.

«Эти» протиснулись, сквозь жёсть и скрылись на лестнице.

– Лен, или на дорогу тачку ловить, или ко мне.

– Я пойду к тебе. Надо собраться с мыслями. Уеду ночью.

По лестнице мы поднялись ко мне, на кухне я забрал кипящий чайник.

– Проходи, садись, я пока заварочный вымою.

И чем её угощать? Шпроты были, хлеб, сыр. Сало солёное, – не нужно, (ещё из дома, на нём только жарить), конфеты шоколадные... Нормально. Ну нахер я её сюда притащил? Такой шанс был...

Выплёскивая старый чай в унитаз, подумал: а вообще, я бы на том старом сале и пожарил что ни будь, хоть макароны сухие... Надо доставать тушенку. НЗ. Не люблю я «нз» тратить. Тот самый случай. С макаронами вошкаться не буду, не до них. А луковицу пошинкую.

– Ты как? – спросил я у Лены вернувшись

Он пожала плечами.

Достал из шкафчика оранжевую жестянку с чаем, заварил чай, накрыл чайник полотенцем. Мне как-то стало лучше, привычнее.

– Знаешь, о чём я подумала тогда, перед тем, когда «эти» подошли?

– О чём?

– Что ты можешь меня изнасиловать.

– И?

– И потом подумала, что не будешь.

– Есть будем, – сказал я, -, доставая сковородку, лук, армейскую говядину в банке.

Она, по-моему, ещё больше съежилась.

– Лен ты не парься, – попросил я, – всё уже кончилось, тушёнку прожарим луком посыпем, веселей дело пойдёт. Очень есть охота, – признался я.

Это не произвело на неё впечатление.

Я пошёл на общую кухню. Поставил чугунную сковородку с луковицей, ножом, и банкой на стол, вернулся в комнату

– И что теперь? – спросила она, стягивая мой мохер и вешая его за себя, на спинку эклектического стула.

– Ничего. На ближайшие час, полтора. – определил я. – если тебе неймётся – денег на тачку я тебе дам. Только не много, у меня у самого мало и ещё домой ехать с товаром. Менты, проводники.

– Звонить сейчас нельзя: телефон один, внизу, на первом этаже у вахты, а там – эти. И там очередь, у автомата, – небольшая правда, один-два человека до глубокой ночи. Если горит – выведу тебя на дорогу, обратно через чёрный ход и посажу в машину. Но денег много не дам. Лучше – посиди. Позвонишь потом. Подумаешь. По-моему, лучше остаться тебе до утра, или под утро уехать, – проще, спокойнее...

– Это – нет! – живо откликнулась она.

– Я не держу. А подумай. Как хочешь.

Логика железная. Только дура-баба сейчас сорваться может.

– Сними ты эти тапочки, – мокрые же, я тебе кеды дам. Правда без задников...

– Ты хочешь, чтоб я вообще уже на клоуна была похо-

же?! – разозлила её бессильно очевидность, – она, по-моему, собиралась сказать что-то ещё, но не подготовилась.

– Лен, – я встал, нагнулся и поискал на нижней полке в шкафчике, – вот носки сухие, кеды – они как тапочки, пойдем я тебе покажу, где туалет, умывальник, пока тушенку разогрею. Зла я ей не желал:

– Они чистые.

Она встала, с моего стула взяла в руку носки, обулась в подсунутые кеды.

Отвёл её в санузел, показал, которое там моё мыло.

На кухне вскрыл банку, поставил сковородку на газ, почистил и порубил луковицу. Так съел пару долек. Шкворчит.

На кухню пришла девушка в коротком фланелевом халате, с досточкой, луковицей и котлетами в чашке, – соседка по этажу, с другого «кармана». Мы с ней не здороваемся, она стесняется.

Я не постоянный житель, не местный. Но эта хоть не орёт, что я кухней пользуюсь, а не дежурю. Хотелось, что ни будь спросить, но... Убрал очистки лука, вытер тряпкой стол, помешал ножом минутку ещё, ушёл.

Поставил сковородку на перевернутую кафельную плитку, достал нержавеющей вилки, порезал вчерашний хлеб.

Налил себе, до половины, чашку крепкого чая, разбавил кипятком. Хотелось выпить. Отхлебнул чай.

– Ешь Лена.

Ломая хлеб, ел. Вот о чём с ней говорить? Ладно, хоть

вилку с хлебом взяла, ест.

В дверь постучали.

Я сделал успокаивающий жест вилкой, встал, тормозя открывающуюся дверь ступнёй, (я и не закрываю обычно, пока спать не ложусь). Шагнул упреждающе в коридор. Колян посторонился.

– Привет.

– Здорово. Ты чё?

– Не один я Николай...

– А. И чё?

– Погоди пока, – попросил я.

Колян, этот тот парень, благодаря которому я и имею возможность спокойно проживать здесь временами, как приезжаю. Это его комната. Мы одноклассники, товарищи, и ему я доверяю, больше, чем всему остальному населению Ленинграда, потому что Колю я знаю.

Зажатую за горлышко, между пальцев, бутылку Коля показал мне не навязчиво. Вряд ли я когда ни будь ещё, более правильно подберу обычное прилагательное так, чтобы оно соответствовало своему смыслу. Ненавязчиво.

– правда Колян, – заверил я, – пошушукаться надо, давай потом, а ты где будешь?

– Ладно, – согласился Коля.

Мне стало жаль, что вместо того, чтобы, под бутылку водки, рассказать Коле про день этот, я с Леной. Но куда ещё этого бывшего, два дня не бритого баскетболиста запускать!

Он бритый то на русского не похож. В «домашнем» рыжем свитере с оторванными рукавами, с бутылкой водки. Только успокоил девушку. Она и полчаса ждать не будет, – как ломанётся по балконам, что и кеды потеряет. Кеды – Колькины, кстати.

Вернулся, запер за собой дверь. Наелся уже. Сел, глотнул чая.

Лена посмотрела на меня и положила вилку на край сковородки:

– Спасибо.

– Пей чай. Товарищ заходил, – объяснил я ей. – Слушай, я что хотел спросить, только время не было, – а Вадима как зовут?

Она помолчала, затем, нехотя сказала:

– Некоторые, зовут его «Тибет».

– Он сидел?

– Я этого не знаю. – не хотела разговаривать Лена, – тебе это зачем?

– Ути- мути... – восхитился я, – дочь Коза-Ностры...

Её глаза сузились.

– Тебе то что?

А правда? Признался простодушно:

– Просто в башке всё крутиться. Поверить не могу. Ладно.

Конфеты хочешь?

– Нет.

А я выпью, с чаем, – захотелось, – будешь?

Встал, достал недопитую вчера водку.

– Силой я тебя не держу. Лучше – подольше. Просто, чего молчать? Телевизора у меня нет...

Налил рюмку, выпил, закурил. Лена, сказала, видимо то, что думала:

– Из-за тебя всё.

Наверное. А оно мне надо было?

– С зонтиком надо осторожнее обращаться, в коллективе рабочем добрососедские отношения устраивать, я выпил ещё пол рюмки. «Засоветовал» ещё от души, как мой папа: а самое главное, я тебе как дочке скажу: не водить дружбу с «некоторыми» людьми. Ага. И можешь не смотреть на меня так. Ник то бы на меня не кинулся, и стирать бы не пришлось, и я бы не кинулся.

Лена смотрела снисходительно.

– С кем, с тобой, что ли дружить? Терпила. С Нижнего Тагила... Себе что ни будь посоветуй... Дочке своей. Понял? Пей свою водку. Не надо учить. Веди себя прилично, не умничай.

Брезгливо как смотрит, на ноль семь «Сибирской», вилки разные на столе, крошки... Приосанилась Петербургская кровь.

Как жена прямо разговаривает. Я аж повеселел от такой метаморфозы:

... – Ка-ака казырна дама в кедах! Лен, ты хорош тут заряжать. Правда, выпью. И ты брось пролетариат за усы дёргать.

В рабочей общаге чай гоняем... Я хоть на трёхстах дезодорантах тут сижу, (можешь, кстати, добавить: «барыга», «спекулянт»), а чёрное от белого – отличаю. А то, что меньше со всякой шушерой водиться надо, это тебе, и мастерица твоя, старая, интеллигентная, скажет, и подружка, и папа-с мамой, после всего... Это ясно как белый день. И, если не дура, то же накажешь своим детям. Хватит Мурку из себя строить.

Долил себе и ей чая, сел, отпил, выпил водки, закурил, и от нечего делать продолжил:

– Не думаю, что тебе совсем неинтересно: у меня бабушка была сельский труженик, (царство ей небесное), мать – инженер, отец – офицер. Мы – да, не дети дипломатов, – я с Караганды. А вот отец жены, между прочим, жил, когда-то на Невском. Но даже если бы он не был Ленинградским детдомовцем, спрашивать, можно ли мне сюда припереться, плясать под дудку каждого местного – не стану.

– Мне тоже про родственников рассказывать? – Ещё выпей. За дедушку. С Невского.

– Чё ты меня... – Я поставил бутылку. – Пойду сковородку вымою, ну тебя...

Говорить нам было не о чем, и вроде как, и не зачем. Время шло. Читал газету, курил, пил чай с водкой.

– Как-то ты пьёшь не по-русски, цедишь, цедишь – заметила Лена, – не по-людски.

– Тебе налить по-людски?

– Будто коньяк прям, или как виски американцы... За час

двести грамм не выпил...

Я посмотрел на бутылку.

– Куда торопиться? Стаканами какой кайф?

– Обычно водку не тянут. Не коктейль.

– Ага, тут есть один такой, – Рома, давай, говорит, на сон грядущий... Ну я, – давай. Чай заварил... Он разлил по бокалам, дёрнул и – «давай», говорит, спать пойду... Спрашиваю: а чё ты приходил то, так не уснёшь что ли? Он: почему не усну – завтра в семь встать... А пил зачем? «На сон грядущий». Ну и ложился бы, чё ты? Я, говорит, к тебе как к человеку, познакомиться... Хорошо, тогда, я теперь ставлю, – предлагаю. Не – отказывается, – завтра – на работу. Я так и не понял ни чего... В школе так пили: бутылку водки и булку хлеба. И чтоб со стаканов непременно. Или с горла. Без закуски, – «по-мужски». Это, кстати, не плохая водка, хоть и дешёвая. Лызганёте, девушка?

– Че-его?!

– Откушать не изволите?

Свое возмущение, Лена, сознательно, чётко отбила паузами:

– Нет. Ни кушать, ни лызгать. Не стану. Ты понял?

– Ага, конечно. – Будешь рюмку, Лен?

Встал, достал из шкафчика ещё одну стеклянную рюмку с тремя оранжевыми полосками, вытер её от пыли полотенцем, поставил на другой край стола.

Успел пригнуться. Рюмка разлетелась о стену у двери.

...— Вот это, я и имел в виду, — осторожно нашёлся я, — будешь, рюмку, Лена, кидать, — ещё четыре есть...

Двумя пальцами поставил перед ней, зачем то, ещё одну. Вытирать не буду.

Второй раз увернулся чудом, хорошо бросает гандболистка, — ещё один сочный хлопок об обои.

Я уже ожидал чего угодно; что она кинется на меня, заматерит, заистерит, успел даже заметить по такому поводу; — Всё у нас как у людей, — как она беззвучно вскочила и рванула к двери...

В этих Колькиных «ластах», без задников. Куда ж... Как она сильно упала... Замешкалась и заплакала быстро.

Мне стало жаль её. Ёрничать, конечно, мне надо меньше. — Лена... Всё, прости...

Я взял её и посадил на матрас на полу, к стене, на котором спал.

— Всё Лен, всё, ну куда ты собралась? Не буду больше... Ну чего ты психуешь? Всё, извини.

Она плакала.

— И так... — слышал я, — Не знаю что делать, что ты меня...

— Стой Лена, — прекратил я эти бормотания, — подожди.

Откуда кровь?

Вишнёвые капли крови на полу, у неё на платье и на моих руках испугали меня.

— Что это?! — я не понимал.

В ту же секунду она дёрнулась всем телом, как от удара

током, – А-А, – громко крикнула, и ещё. Хотела обнять колени и не могла.

Из ставшей страшно бурой пятки, торчал стеклянный с оранжевым осколок.

– Стой! Тихо.

Я потянулся и вынул его. – Всё. Положил тут же, на пол.

Она закрыла глаза. Не пугая её, снял впившуюся стекляшку с бедра, потом с плеча. Это царапины, вот откуда вся кровь. Заставил себя посмотреть на пятку. О господи...

Надо бинт. Полотенце. ****ь.

– Больно, перестань. Что там?

– Вытащил, кровь идёт, щас. Йод надо... быстро...

– Нет.

– Да его и нет, – «успокоил» я её, – водкой.

Наклонившись над её ногой, попросил:

– Сними.

– Отвернись.

Завернув подол, сняла колготки, бросила их к тряпке у двери.

– Подожди, – подумал я, – на матрасе осколков нет?

Осмотрели, ощупали руками. Протянул ей бутылку:

– Лей сама – предупредил, – больно будет, всё-таки постарайся не кричать.

Под её завывания перемотал ногу полотенцем.

– Жжёт?

Кивнула.

– Как ты так... Понеслась, наступила. Мля. Щас, успокоиться. Выпей, правда...

В дверь знакомо, но нервно постучали. Я вышел к Кольке.

– Ты чё там, целку ломаешь?

– Ага...

– А она не заявит потом?

– Ты чё, ешнулся? – очнулся я, – какую...

– Чё вы орете, у Ромы слышно.

– На осколок наступила. Есть йод?

– Водкой промойте. И не орите, тут Косолапыч с Косоглазовым шаряться.

Вернулся к Лене, на неё было жалко смотреть. Не понятно куда смотрит, дышит как в лихорадке...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.